

Метёлкина Лариса Николаевна

БЫВШИЕ КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ КАК РЕСУРС РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГОДОВ)

Статья посвящена анализу причин ограниченного использования бывших красных партизан в качестве ресурса формирования региональных элит, особенностей их социального статуса на примере Восточной Сибири в первой половине 1930-х годов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 118-126. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**RUSSIAN COSSACKS AT THE END OF THE XXTH CENTURY:
POLITICAL CULTURE PECULIARITIES**

German Olegovich Matsievskii, Ph. D. in History
Department of Classical and Social Disciplines
Voronezh State University (Branch) in Staryi Oskol
2007nauka@mail.ru

The author considers the peculiarities of the political culture of Russian Cossacks at the end of the XXth century. Being a part of all-Russian political culture the political culture of modern Cossacks has the whole range of various features both traditional-Russian and soviet and modernist ones under the conditions of the co-existence of the great number of ethnic-national, regional, confessional and other sub-cultures.

Key words and phrases: Russian Cossacks; Cossacks' revival; political culture; political life.

УДК 323.3(571.5)(091)

Статья посвящена анализу причин ограниченного использования бывших красных партизан в качестве ресурса формирования региональных элит, особенностей их социального статуса на примере Восточной Сибири в первой половине 1930-х годов.

Ключевые слова и фразы: Восточная Сибирь; региональные элиты; бывшие красные партизаны и красногвардейцы; партизанские комиссии; выдвижение.

Лариса Николаевна Метёлкина, к.и.н., доцент
Кафедра политологии и отечественной истории
Иркутский государственный университет
mln@home.isu.ru

**БЫВШИЕ КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ КАК РЕСУРС РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ
(НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГОДОВ)[©]**

Партийные и советские структуры Восточной Сибири всегда испытывали кадровый дефицит. Не были исключением и 30-е годы. Между тем, именно в этот период имелась весьма многочисленная категория лиц, использование которых могло бы способствовать существенному снижению остроты этой проблемы, – бывшие красные партизаны и красногвардейцы. Это были люди, имевшие несомненные и признаваемые заслуги перед советской властью и, соответственно, значительные шансы на вхождение в состав региональных элит. В настоящей статье попытаемся выяснить, насколько этот ресурс был использован в формировании управленческих структур региона в первой половине 1930-х годов.

В отечественной историографии эта тема до сих пор не нашла своего исследователя. Красные партизаны как предмет изучения рассматривались историками преимущественно с двух противоположных точек зрения: или в качестве активных борцов за установление советской власти в годы Гражданской войны [6; 11; 14], или как часть крестьянства, недовольная последующей политикой советской власти [4; 12]. Лишь в последнее время начали появляться работы, посвященные анализу положения бывших красных партизан уже по окончании гражданской войны [10; 13]. Таким образом, представляемая статья является первой работой в данной проблематике.

После окончания Гражданской войны партизаны продолжали оставаться наиболее социально активной частью населения и преимущественно из их числа пополнялись ряды членов и сочувствующих ВКП(б): на треть из бывших партизан состояла сибирская рабоче-крестьянская милиция, часть активных участников и командиров отрядов были выдвинуты на руководящую советскую, партийную, хозяйственную работу районного, краевого, республиканского и союзного уровня, а также в органы ВЧК-ОГПУ.

Показательна в этом отношении судьба В. Г. Яковенко, еще при жизни ставшего легендарным, организатора партизанского движения в Енисейской губернии, руководителя антиколчаковского восстания в Тасеево в декабре 1918 г., председателя районного военно-революционного штаба, с августа 1919 – председателя армейского военного совета Северо-Канского фронта. После окончания гражданской войны его карьера складывалась более чем удачно: в декабре 1921 г. избран заместителем Председателя Енисейского губисполкома, но уже в январе 1922 г. назначается наркомом земледелия РСФСР. В 1923-1926 гг. занимает пост наркома соцобеспечения РСФСР. В 1926-1936 гг. является членом Комитета содействия народам Севера при ВЦИК СССР, председателем земельной и избирательной комиссий приемной М. И. Калинина.

И все же для подавляющего большинства красных партизан возврат к мирной жизни не означал изменения социального статуса: они по-прежнему продолжали оставаться крестьянами. При этом происходящая в партизанской среде в послевоенный период дифференциация не изменяла основного положения: бывшие красные партизаны продолжали ощущать себя единой социальной группой, сплоченной общей борьбой и общим настроением, сориентированной на командира, как правило, выходца из той же простонародной среды [13, с. 78]. Поэтому выдвиженцы, особенно бывшие командиры, занявшие, подобно В. Г. Яковенко, значимые посты в органах власти, неизбежно становились центрами притяжения для своих бывших подчиненных, которые к ним обращались за протекциями, советами, помощью и защитой.

Точное определение соотношения выдвиженцев к общей численности бывших красных партизан в 20-е годы определить не представляется возможным, в первую очередь, по причине отсутствия специальных организаций, занимающихся вопросами выявления, учета и помощи представителям данной категории.

Эта ситуация меняется, когда, в связи с постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 января 1930 г. «О льготах бывшим красногвардейцам и красным партизанам», при Президиумах районных Советов были сформированы Комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан, одной из основных задач которых была выдача удостоверений, подтверждающих эти звания и на этом основании дающих право на получение льгот. Именно эти комиссии, чаще именуемые просто «партизанскими», сыграли большую, хотя и очень неоднозначную роль в выявлении и учете красных партизан. Партизанскими комиссиями осуществлялся отбор достойных звания бывших красных партизан, в соответствии с рекомендованными ЦИК СССР и конкретизированными на местах критериями, учитывающими не только боевое прошлое, но и обстоятельства, характеризующие послевоенную деятельность претендующих на эти звания лиц. Наконец, именно они выступали субъектами выдвижения бывших красных партизан, давая характеристики и рекомендации относительно возможности их использования на работе низового, районного или краевого уровня.

Чтобы выяснить роль красных партизан в формировании региональной политической элиты, определим для начала их общее число, а также основные социальные характеристики, для чего рассмотрим данные двух таблиц.

Таблица 1.

Соотношение количества бывших красногвардейцев и красных партизан и общей численности населения отдельных районов Восточно-Сибирского края (1932-1933 гг.)

	Наименование района	Численность населения района	Количество бывших красногвардейцев / красных партизан	% соотношение бывших красногвардейцев и красных партизан к населению района
1.	Агинский	29 608	- / 201	0,68
2.	Акшинский	16 038	13 / 273	1,8
3.	Ал.-Заводский	22 353	- / 770	3,4
4.	Балаганский	15 050	- / 28	0,2
5.	Балахтинский	18 326	- / 53	0,28
6.	Бодайбинский	14 230	2 / 48	0,25
7.	Б.-Муртинский	32 055	- / 53	0,16
8.	Борзинский	33 902	1 / 992	2,9
9.	Братский	26 071	12 / 277	1,1
10.	Газ.-Заводский	21 789	823	3,8
11.	Жигаловский	24 172	- / 102	0,42
12.	Жидкинский	36 667	307 / 793	3,0
13.	Зиминский	43 556	7 / 74	0,18
14.	Иркутский	57 203	7 / 272	0,48
15.	Казач.-Ленский	9 704	1 / 3	0,04
16.	Казач.-Енисейский	19 380	2 / 26	0,14

Таблица составлена по: Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-820. Оп. 1. Д. 303. Л. 2-7.

Следует учесть, что в данные Таблицы 1 включены сведения лишь по тем лицам, которые в 1932-1933 гг. прошли соответствующие проверки для получения или подтверждения звания «бывшего красного партизана». Реальное же число лиц, в той или иной форме участвовавших в партизанском движении, ощущавших себя и признаваемых именно красными партизанами, лично их знавшими людьми, в том числе и официально признанных бывшими красными партизанами, на наш взгляд, многократно превышало приводимые данные.

Определенной спецификой отличалось и социальное положение бывших красных партизан в Восточной Сибири (Таблица 2).

Таблица 2.

**Данные о социальном положении, партийности и образовании бывших
красных партизан по 44 районам Восточно-Сибирского края (1932-1933 гг.)**

	Наименование района	Количество красных партизан	Социальное положение						Партийность		Образование		
			Рабочие	Колхозники	Единоличники – бедняки	Единоличники – середняки	Един. - зажит.	Служащие	Чл./канд. ВКП(б)	Беспартийные	Грамотные	Малограмотные	Неграмотные
1.	Агинский	201	13	129	32	23	*	*	20/7	174	31	130	40
2.	Акшинский	286		11	200	75			21/-	265	Сведений нет		
3.	Ал.-Заводский	770	94	324		362			85/-	685	Сведений нет		
4.	Балаганский	28	1	4	23				9/-	19	Сведений нет		
5.	Балахтинский	53	6	23	5	8	*	2	11/-	42	Сведений нет		
6.	Бодайбинский	50	35					15	17/-	33	33	15	2
7.	Б. Муртинский	53	4	12	12	10		15	14/-	39	Сведений нет		
8.	Борзинский	993	107	486	317	*	*	*	92/*	893	Сведений нет		
10.	Братский	289	4	192		93			16/-	273	Сведений нет		
11.	Газ.-Заводский	823	165	295	183	178	2		78/-	745	Сведений нет		
12.	Жигаловский	102	18	27	38	*	*	*	10/-	92	Сведений нет		
13.	Жидкинский	1 100	122	369	272	*	37	*	281/31	788	509	374	227
14.	Зиминский	81	59	10	4			8	17/ 14	50	Сведений нет		
15.	Иркутский	279	2↓	70↓	159↓	20↓	2↓	31↓	25/-	254	28	220	31
16.	Казач.-Ленский	4						4	3/-	1	4		
17.	Казач.-Енисейский	28	4	18				6	12/2	14	10	17	1
18.	Канский	261	130	34	87	10			98/19	144	116	131	14
19.	Карымский	251	88	156	55	22		31	60/-	291	Сведений нет		
20.	Качугский	103	18	42	28	15			27/-	76	Сведений нет		
21.	Кежемский	68	6↓	48↓	6↓	5↓		4↓	13/-	55	Сведений нет		
22.	Киренский	70	22	32	6	10			19	51	Сведений нет		
23.	Куйтунский	217	64	78	49	17		9	11/-	216	Сведений нет		
24.	Кыринский	235	72	81	56	16		10	15/9	211	48	112	75
25.	Малетинский	436		206	102	130			40/-	396	Сведений нет		
26.	Нерчинский	106	44	48	6	8			30/-	76	Сведений нет		
27.	Нерч.-Заводский	1 195	102	700	180	213			40/52	1 103	Сведений нет		
28.	Новоселовский	353	4	68	88	168	7	18	15/8	330	90	123	14 0
29.	Партизанский	431	14	211	53	15	*	*	49/-	382	Сведений нет		
30.	Петровск-Забайкальский	327	211	55	51	*	*	*	58/22↓	244↓	154↓	182↓	11↓
31.	Пировский	14		5	4	5			2/-	12	Сведений нет		
32.	Слюдянский	90	80	1				9	23/-	67	Сведений нет		
33.	Сретенский	845	58	145	*	498	6	*	63/-	782	Сведений нет		
34.	Тайшетский	137	36	18	31	21	*	30	35/12	90	82	36	19
35.	Тулунский	75	25	13	21	15	*		21/-	54	Сведений нет		
36.	Туруханский	31	2	13	2			14	12/-	19	21	10	
37.	Улетовский	185	35	79	55	14			Сведений нет				
38.	Усольский (город)	70	48	3	2	2	*	*	25/-	45	Сведений нет		
39.	Усть-Карийский	502	114	170	80	75	*	62	28/12	462	70	309	123
40.	Усть-Кутский	46	6	6	6	20	3	*	*	36	Сведений нет		
41.	Хилоко-Хаоцайский	48	*	32	*	6	*	*	10/16	*	32	*	*
42.	Хилокский	210	40	62		108			/22	*	138	*	*
43.	Черемховский	380	297	49	11	6	*	*	58/183	*	208↓	213↓	134↓
44.	Шиткинский	147	2	81	24	35	*	4	5/16	*	131	*	*

* - Неполные сведения (сумма имеющихся данных не совпадает (меньше) с общим количеством красных партизан в соответствующей строке).

↓ - Сумма имеющихся данных не совпадает (больше) общего количества красных партизан в соответствующей строке.

Таблица составлена по: Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-820. Оп. 1. Д. 303. Л. 2-7.

Как видно из Таблицы 2, наиболее многочисленной социальной группой среди бывших красных партизан оставалось крестьянство – 8914 чел. (75,2%). При этом проводилась четкая его дифференциация. Суммарно ровно половина оказалась представлена полярными социальными группами, соответственно, «чуждыми» и максимально «близкими»: 66 человек (0,7%) были отнесены к категории «зажиточных», что, по всей вероятности, является смягченным вариантом определения «кулак». 4397 человек (49,3%) на момент сбора сведений уже состояли в колхозах. Вторая половина была представлена почти равными, в количественном отношении, группами: 2248 – единоличников-бедняков (25,2%) и 2203 – единоличников-средняков (24,8%). Примечательно, что процент колхозников из числа бывших партизан примерно соответствует уровню коллективизации в Восточной Сибири в 1932 г. – около 50% [6, с. 101].

Не менее важным, чем получение звания бывшего красного партизана, было сохранение его в ходе проводимых регулярно с 1931 г. чисток. Процент «вычищаемых» в их результате был достаточно велик.

До начала проведения проверок общее количество бывших красногвардейцев и красных партизан по Восточно-Сибирскому краю составляло 20 918 человек [2, д. 303, л. 8]. При этом, если до проверки по 12 районам числилось 6335 человек, в результате проверки осталось только 3997, таким образом, 2338 человек, т.е. почти 37%, было отсеяно в качестве «лжепартизан и лжекрасногвардейцев». Тем не менее, в пределах Восточно-Сибирского края в начале 30-х годов часть бывших красных партизан еще уверенно сохраняла приобретенные в 20-е годы позиции во властных структурах [Там же, л. 89].

Анализ участия бывших партизан в политическом и административном управлении краем начнем с верхнего эшелона властных структур – аппарата Крайкома ВКП(б). Так, в 1932-1933 гг. в аппарате Крайкома ВКП(б) работал целый ряд лиц, имевших партизанское прошлое.

Таблица 3.

Список бывших красногвардейцев и красных партизан, работающих в аппарате Восточно-Сибирского Крайкома ВКП(б) (не позднее октября 1932 г.)

	ФИО	Где работает и занимаемая должность	Партийность	Соц. положение	Категория
1.	Леонов Федор Григорьевич	1-й секретарь Крайкома	Чл. ВКП (б)	рабоч.	красногвардеец Ленинград. Кр. гвардии
2.	Козлов Иван Иванович	секретарь Крайкома	-«»-	рабоч.	красногвардеец
3.	Букатый Василий Любимович	секретарь Крайкома ВКП (б)	-«»-	рабоч.	красногвардеец
4.	Новиков Михаил Иванович	зав. орготделом	-«»-	рабоч.	партизан
5.	Келарев Николай Михайлович	Зам. зав. орготдела	-«»-	рабоч.	партизан
6.	Саломатов Федор Иннокентьевич	Зав. сект. зерн. районов	-«»-	крест.	партизан
7.	Тетерин Василий Иванович	Зав. совхоз. сект.	-«»-	рабоч.	красногвардеец
8.	Степанов Арсений Степанович	Зав. сект. северн. национ. районов	-«»-	рабоч.	красногвардеец
9.	Таюрский Василий Гаврилович	Зав. сект. золот.	-«»-	служ.	красногвардеец
10.	Федорова Антонина Ильинична	Зав. парт. кадрами	-«»-	служ.	партизан
11.	Сидоров Василий Корнилович	Зав. агит.-масс. отд.	-«»-	рабоч.	красногвардеец и партизан
12.	Шиповских Иван Дмитриевич	Зам. зав. отд. кадр.	-«»-	крест.	партизан
13.	Куренных Дмитрий Алекс.	Зав. пром. сект.	-«»-	рабоч.	красногвардеец
14.	Пьянков Дмитрий Алексеевич	Зав. парт. архивом	-«»-	служ.	красногвардеец
15.	Тимофеев Иван Алексеевич	Зам. зав. истпар.	-«»-	служ.	красногвардеец и партизан
16.	Патлых Ольга Ивановна	Зав. истпартом	-«»-	служ.	красногвардеец
17.	Куприянов Василий Тимофеевич	Архивариус	-«»-	служ.	красногвардеец
18.	Номероцкий Сергей Михайлович	Инстр. сект. печати	-«»-	служ.	партизан

При этом абсолютное большинство включенных в данный список лиц начали свою карьеру в еще 20-е годы. Следует особо отметить В. Л. Букатого не только как второго секретаря Крайкома ВКП(б), т.е. фактически, второго лица в руководстве края, впоследствии занявшего пост Председателя Восточно-Сибирского Крайисполкома, но, прежде всего, как человека, практически вся предшествующая деятельность которого – в качестве крайне редкого для того времени исключения – была связана с Сибирью. Член РСДРП с 1910 г., летом 1918 г. воевал против белогвардейцев в Забайкалье и на Амуре, затем работал в большевистском подполье. В начале июля 1919 г. возглавил военный штаб Иркутского комитета РКП(б), был одним из руководителей свержения колчаковского режима в Иркутской губернии.

Однако приведенный в Таблице 3 перечень бывших красных партизан и красноармейцев уже к 1934 г., в результате масштабной ротации кадров в аппарате Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) (и не только в нем), существенно уменьшится. В частности, уже к концу 1933 г. не только в составе Крайкома, но и вообще в пределах Восточно-Сибирского края не осталось ни одного из упомянутых в данном перечне секретарей: Ф. Г. Леонова, И. И. Козлова и В. Л. Букатого.

В 75-ти характеристиках на председателей райисполкомов Восточно-Сибирского края, относящихся к периоду 1931-1936 гг., в 60-ти имеются сведения об их деятельности в годы гражданской войны, включая и участие в партизанском движении. В 11 случаях были приведены данные, подтверждающие это участие, причем, не только в пределах Восточной Сибири. Анализ этих данных позволяет сделать следующие выводы. За исключением единственного случая, т.е. для абсолютного большинства, начало работы в советских органах совпало с окончанием гражданской войны и/или демобилизацией. Во всех случаях работа бывших красных партизан в партийных и советских органах районного уровня началась еще в 20-е годы. Все 11 являлись членами ВКП(б) на момент занятия ими должностей председателей райисполкомов, при этом 9 из них были коммунистами уже на момент начала своей карьеры в советских органах (1 – с 1917 г., 4 – с 1918 г., 3 – с 1920 г., 1 – с 1921 г.). Поэтому сложно сказать в данном случае, что именно – членство в партии или партизанское прошлое – сыграло основную роль в этих выдвижениях [1, д. 1667, л. 2-82].

Значительно сложнее обстояло дело с выдвижением на руководящую работу бывших красных партизан в первой половине 1930-х гг., чему может быть несколько объяснений.

Во-первых, массовым явлением стала депривация бывших красных партизан, вызванная значительными расхождениями между ожидаемыми изменениями, связываемыми с победой советской власти в гражданской войне, и реальной ситуацией массовой коллективизации. В связи с этим, местное руководство с тревогой сообщало в краевые органы власти, что с переходом к «социалистическому переустройству» деревни многие участники антиколчаковского движения «начинают идеологически перерождаться, переходя из нейтрального состояния в лагерь чуждого советской власти элемента» [12, с. 213].

Во-вторых, в ряде случаев недовольство проводимой политикой нашло свое выражение в активных протестных действиях, в частности, непосредственном участии бывших красных партизан в прокатившихся по Восточной Сибири восстаниях против коллективизации.

Так, наиболее крупное в Забайкалье восстание против коллективизации в июне 1930 г. – Ундино-Халангуйское, охватившее 43 села Жидкинского, Нерчинского, Оловянинского и Шилкинского районов – было возглавлено бывшими красными партизанами И. С. Подойницыным, И. Г. Ташлыкковым и др.

Многие участники Бичурского восстания (БМАССР), вспыхнувшего в марте 1930 г., также являлись в прошлом красными партизанами [6, с. 69].

Бывшие бойцы Тасеевской и Степно-Баджейской повстанческих армий в значительной степени обеспечили масштабность крестьянского восстания, охватившего летом 1931 г. части Дзержинского, Канского, Тасеевского и Абанского районов. Отличительной особенностью этого восстания стало привлечение бывших же красных партизан для его подавления, при этом были использованы различные методы. Н. М. Буда, бывший командующий партизанской армией Северо-Канского фронта, награжденный за борьбу с колчаковцами орденом Красного Знамени, был уполномочен от имени правительства обещать своим землякам полную амнистию и тщательное расследование случаев административных перегибов в случае прекращения восстания. Это обещание привело к расколу в рядах восставших. Часть из них поверили слову своего бывшего командира, сложили оружие и разошлись по домам. Другая часть продолжила восстание, которое было подавлено частями особого назначения и регулярной армии, на что потребовалось около месяца [12, с. 208]. Примечательно, что и в силовом подавлении восстания активное участие также принимал бывший красный партизан, младший брат Н. М. Буда, член штаба армии Северо-Канского фронта, член Ревтрибунала Тасеевской партизанской республики С. М. Буда, с февраля 1931 по январь 1932 г. являвшийся начальником Красноярского горотдела ОГПУ.

Результатом этого восстания стало заключение его наиболее активных участников в концлагеря, переселение целыми семьями неблагонадежных в Забайкалье, откуда, в свою очередь, направлялся в сторону Енисея встречный поток из переселяемых участников забайкальских восстаний. Но проявивших лояльность власти ветеранов-партизан тогда, по большей части, не тронули.

В-третьих, немногочисленной среди красных партизан оставалась прослойка членов ВКП(б) и кандидатов. В среднем, по 40 районам, по которым есть сведения на этот счет, она составляет 21,6%. По отдельным районам эти цифры очень отличались – от 5% (от 217 бывших красных партизан в Куйтунском районе) до 75% (от 4 – в Казачинско-Ленском). Данное обстоятельство существенно ограничивало возможности выдвижения беспартийных сферой исключительно советских и кооперативных органов и учреждений.

В-четвертых, сложности выдвижения усугублялись спецификой социального положения и образовательным уровнем (Таблица 2) большинства бывших красных партизан. С одной стороны, около 75% – крестьяне, причем реально занятые в сельском хозяйстве, как единоличном, так и колхозном, т.е. проживающие вне районных (не говоря уже о краевом) центров. Поэтому выдвижение для них неизбежно было связано не просто с кардинальным изменением рода собственной деятельности, но и с необходимостью отказа от привычного уклада жизни, переезда на новое место жительства и адаптации к принципиально иным условиям жизни не только для самого выдвиженца, но и для членов его семьи. С другой стороны, существовали и иные серьезные препятствия и, прежде всего, уровень образования. По сведениям, имеющимся по 15 районам края (Таблица 2), в среднем 51,7% бывших красных партизан оставались к началу 30-х годов мало- или полностью неграмотными (по отдельным районам эти показатели сильно отличались – от 10,9% до 84,5%). Такое положение явно не соответствовало требованиям, выдвигаемым для занятия большинства вакантных должностей и предлагаемых для выдвижения на них именно бывших красных партизан. Поэтому, при наличии, например, в начале 1932 г., не менее чем 144 вакансий только на руководящие должности в различных учреждениях краевого уровня, с соответствующими должностными окладами от 110 до 300 рублей, подавляющее большинство из них так никогда и не были заняты представителями данной категории. Кроме того, для занятия некоторых должностей выдвигались еще и дополнительные требования, существенно снижавшие возможности их реального использования для выдвижения красных партизан. Так, например, для более чем 30 открытых вакансий на должности начальников районных отделений милиции, помощников начальников политсекторов требовались «желательно бывшие командиры партизанских отрядов», выдвиженцы на 10 должностей районных прокуроров в качестве обязательного условия «должны быть членами ВКП(б) и иметь стаж партийной и советской работы» [2, д. 288, л. 188-191].

Таблица 4.

**Выдвижение бывших красногвардейцев и красных партизан
на советскую работу (1932-1933 гг.)**

	Наименование района	Бывшие красные партизаны		Выдвинуто на советскую работу			% соотношение выдвинутых к общему количеству бывших красных партизан
		в абсолютных цифрах	в % соотношении к населению района	сельскую	районную	краевую	
1	Агинский	201	0,68	3	1		2
2	Балаганский	28	0,2		1		3,6
3	Балахтинский	53	0,28	3	5		15
4	Газ.-Заводский	823	3,8	16	18	1	4,25
5	Жидкинский	1 100	3,0	27	45	9	7,4
6	Казач.- Енисейский	28	0,14		2		7,1
7	Карымский	251	-		10		4,0
8	Качугский	103	-	10	18		27,2
9	Кежемский	68	-		2	1	4,4
10	Куйтунский	217	-	5	1		2,2
11	Кыринский	235	-	6	1		3,0
12	Малетинский	436	-	4	9		3,0
13	Нерч.-Заводский	1 195	-	30	9	3	3,5
14	Новоселовский	353	-	4	5		2,5
15	Партизанский	431	-	4	5		2,1
16	Петровск-Забайкальский	327	-	1	11		3,7
17	Тайшетский	137	-	12	15		19,7
18	Тулунский	75	-	2	7		12,0
19	Улетовский	185	-	2	16		9,7
20	Усольский (город)	70	-	4	5	1	14,3
21	Усть-Карийский	502	-		3		0,6
22	Усть-Кутский	46	-		1		2,2
23	Черемховский	380	-		34		8,9
24	Шиткинский	147	-		2	1	2,0
Итого:		7391 (из 11989*)	100	133 (1,8%)	223 (3,0%)	16 (0,2%)	5,0

*Подсчитано на основе данных Таблицы 1.

Таблица составлена по: Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-820. Оп. 1. Д. 303. Л. 2-7.

Анализ документов партизанской комиссии при Восточно-Сибирском Крайисполкоме позволяет выделить специфическую особенность местных партизан. Судя по имеющимся источникам, вернее, по отсутствию таких данных в документах комиссии, восточно-сибирские партизаны не отличались карьерными

амбициями, что было в значительной степени характерно для представителей данной категории в других регионах страны. Так, например, на Северном Кавказе одним из основных стимулов получения звания бывшего партизана была возможность дальнейшего использования этого статуса именно для назначения на какие-либо руководящие или, по крайней мере, высокооплачиваемые должности [10]. Подобная неамбициозность, в совокупности с вышеназванными причинами, имела своим результатом то, что наибольшее количество выдвинутых в Восточной Сибири ограничивалось различными должностями в советских органах и учреждениях районного уровня (Таблица 4).

Однако и в подобных немногочисленных выдвигениях, в общей сложности затронувших не более 5% бывших красных партизан, оказались свои сложности. Многие выдвинутые были согласны на занятие различных должностей в советских, хозяйственных или кооперативных органах, однако исключительно в пределах родного для них района. С точки же зрения ОГПУ, именно такие назначения были крайне нежелательны. Поскольку основанием для окончательного решения подобных вопросов были характеристики, даваемые кандидатам на выдвижение начальниками районных отделов ОГПУ, к резюмирующим их рекомендациям относились с большим вниманием. Так, например, во всех характеристиках на «партизан, подлежащих выдвижению на ответственную работу Тасеевского района» наряду с констатацией факта наличия у характеризуемых безусловного авторитета среди бывших сослуживцев и односельчан, содержится одна и та же рекомендация-предписание: «Требует изоляции из района по политическим соображениям» [2, д. 288, л. 161-162].

Показательной в этом отношении является характеристика на С. А. Тишина, 29 лет, крепкого середняка, чл. ВКП(б) с 1920 г., но вышедшего из партии в 1931 г. в связи с «окулачиванием» его отца и, тем не менее, рекомендуемого на «краевую работу» (стиль, орфография и сокращения источника сохранены): «В партизан. отряде с 18 г. по 20 г., в Кр.Армии до 30 г., в 22 г. лектор военполиткурсов 26 дивизии, пом. военкома полка, полит. и технич. развит, на деле махровый оппортунист, по приезду в февр. М.31 г. с. Тасеево его осень много посетило партизан, в данное время работает в Райполеводсоюзе зав. Заготовительн. отделом, с момента приезда в Тасеево начал вести линии на неправ. Руководство с руковод. орган. р-на, критикует работу район. руководящ. органов, партизан считает всех равными, т.е. дифференциации не придерживается, раскулач. партиз. считает совершенно неправильным, имеет гордость о том, что организовал колхоз партизан в с. Тасеево, говорит, я сказал и организовались, а если бы не я, никто бы не организовал, имеет цель восстановить себя в партии и работать на руковод. работе в Тасеевском районе (районной - РИК, РК ВКП(б)), есть договор с Егоровым Кузьмой Артамонов. о невыезде из Тасеев.р-на, а работ. только в Тасеево...» [Там же, л. 162]. На характеристике имеется пометка о том, что выдвижение состоялось и на краевой работе «уже работает». Таким образом, в данном случае выдвижение на краевую работу было не столько признанием организационных и деловых качеств бывшего красного партизана, а стремлением удаления его из той среды, в которой он уже начал проявлять качества неформального лидера. Представляется, что подобная мотивация выдвинутых из среды красных партизан имела достаточно распространенный характер.

Сложности возникали и в случаях выдвижения бывших красных партизан в состав высших органов государственной власти. Очень болезненно воспринимались случаи выдвинутых лиц, по мнению самих красных партизан, не заслуживающих этого, не обладавших должным авторитетом в среде боевых товарищей. Именно такая ситуация сложилась вокруг члена ЦИК СССР М. Т. Зверевой, бывшей красной партизанки, жены командира партизанского отряда, расстрелянного белыми, колхозницы, проживавшей в Нерчинско-Заводском районе. В марте 1933 г. районный слет бывших партизанских командиров лишил ее звания бывшей красной партизанки и возбудил ходатайство об отводе М. Т. Зверевой из членов ЦИК СССР [3, д. 389, л. 143].

Слетом при лишении ее звания партизанки выставлены следующие мотивы: она в период партизанского движения продавала оружие за кордон, партизанам продавала патроны за золото и муку, принадлежит к кулацкой семье, муж Зверевой, Зверев Степан Дмитриевич, командуя полком, предал его белым.

Выдвижение Зверевой в члены ЦИК произошло помимо партизан и общественности. Выдвинута она в члены ЦИК исключительно общественностью села Джоктонка [Там же].

Дело получило достаточно большой резонанс, в связи с чем, секретарь Нерчинско-Заводского РК ВКП(б) Кузьменко 9 сентября 1933 г., в частности, сообщал в Крайком ВКП(б), что «обвиняет ее член партии, заслуженный партизанский командир, очень авторитетный среди партизан тов. Смолин и целый ряд других командиров, поэтому без законченного следствия прекратить это дело невозможно. Запретить говорить об этом можно только коммунистам, а беспартийные не прекращают говорить об этом и до сего времени» [Там же, д. 518, л. 67-68].

Результатом стал вынесенный 15 сентября того же года обвинительный приговор в отношении «организаторов травли члена ВЦИК, бывшей красной партизанки М. Т. Зверевой». К реальным срокам лишения свободы были приговорены Смолин и Харин, «как инициаторы и вдохновители травли» (5 лет), уполномоченный РК ВКП(б) Дружинин, как «не принявший мер к прекращению этой травли» (3 года), зав. райФО Юрьев, как «не прекративший травлю и не принявший мер в отношении лиц, незаконно обложивших хозяйство Зверевой» (2 года лишения свободы и 3 года запрещения занимать ответственные должности) [Там же, д. 389, л. 128].

Несмотря на отсутствие полной информации по данному делу и обстоятельствам вынесения приговора, в частности, ст. УК РСФСР, по которым были осуждены вышеназванные лица, представляется возможным рассматривать приговор по делу М. Т. Зверевой не в качестве акта судебного восстановления репутации и прав бывшей красной партизанки, а как акт безусловного поддержания представителя государственной власти, даже индивидуальная делегитимация которого была бы крайне нежелательной.

Проводившиеся в начале 30-х годов чистки партизан и акции ОГПУ дали заметные результаты. Участники гражданской войны, прошедшие чистки 1931-1934 гг., были «классово выдержаны» и позиционировались в качестве опоры установившегося режима. Это представление стало основанием формирования мифа о массовой поддержке бывшими красными партизанами авторитарного режима, выдержанном классовом составе и верности сталинской идеологии.

После XVII съезда, на котором был сделан вывод о построении фундамента социалистического общества в СССР, ВКП(б) уже не видит необходимости использования в качестве союзников и, соответственно, сохранения особого положения различных категорий лиц, имевших несомненные заслуги в деле установления и защиты Советской власти в годы революции и гражданской войны, чья лояльность в отношении генеральной линии партии начинала вызывать все большие сомнения. Последней каплей, давшей повод к радикальному разрешению этой ситуации, стало убийство С. М. Кирова. В результате, в мае - июне 1935 г. были ликвидированы Общества старых большевиков и бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, а 15 августа того же года – и Комиссии по делам бывших красногвардейцев и бывших партизан.

Однако, несмотря на происходящие на союзном уровне изменения политики в отношении бывших красных партизан, руководители Красноярского и Восточно-Сибирского краев вплоть до 1937 г. не предпринимали каких-либо выраженных дискриминационных мер в отношении этой категории. Более того, 1-й секретарь Красноярского крайкома П. Д. Акулинушкин не только продолжал рекомендовать секретарям райкомов шире использовать бывших красных партизан в качестве резерва для выдвижения на руководящие должности, но и прямо проигнорировал поступавшие от секретарей Тасеевского и Дзержинского райкомов с осени 1936 г. сообщения о наличии в районе «банд правых» и имеющихся среди бывших партизан «опасных» настроениях [7, с. 208-209]. Лишь после начавшихся арестов НКВД бывших партизан в Иркутске, Канске и Красноярске руководство крайкома вынуждено было изменить свое мнение [9, с. 103].

Общая картина «антисоветской деятельности» бывших сибирских партизан, задавшая направления для последующей деятельности местных органов НКВД, была представлена на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. наркомом внутренних дел Н. И. Ежовым. В качестве главного обвиняемого в создании «антисоветского партизанского центра» выступил В. Г. Яковенко. Согласно версии Ежова, «соратник Бухарина» Яковенко создал в Сибири «партизанский центр», осуществлявший руководство «кулацкими восстаниями» в ряде районов Сибири. В начале 1937 г. четвертый отдел УНКВД по Иркутской области вскрыл в Красноярске «Краевой повстанческий центр контрреволюционной организации правых», организационно входивший в состав «Иркутского областного повстанческого центра организации правых». По данным НКВД, и эта организация, созданная еще в 1931 г., действовала в соответствии с указаниями В. Г. Яковенко [Там же, с.103-104]. Помимо этого, Яковенко было вменено и «осуществление руководства» Красноярской контрреволюционной эсеровской повстанческой организацией, непосредственно возглавляемой Н. М. Будой, бывшим командующим Северо-Канским партизанским фронтом, занимавшим, на момент ареста, должность заведующего приемной крайисполкома. Руководителями «всесоюзного партизанского центра» были признаны Е. К. Рудаков, бывший заместитель председателя армейского Совета Северо-Канского партизанского фронта, Ф. Я. Бабкин, бывший член Совета того же фронта.

В Иркутске причастность к этой организации вменялась в вину уже не только бывшим красным партизанам, но и всему краевому руководству: первому и вторым секретарями крайкома ВКП(б) М. О. Разумову и С. П. Коршунову, Я. З. Пахомову, бывшему председателю Восточно-Сибирского крайисполкома и его заместителю А. И. Пондеку. По этому же делу были привлечены бывшие партизаны: Е. Д. Зверев, председатель краевого Совета ОСОАВИАХИМа; В. С. Жидовкин, бывший секретарь краевой партизанской комиссии; И. Л. Федоров, секретарь Нижнеудинского комитета ВКП(б); М. И. Бородин, бывший член правительства ДВР, и многие другие.

Если попытаться объяснить причины не востребоваемости советской властью бывших красных партизан в качестве корпорации – поставщика элитных кадров регионального уровня, можно выделить следующие обстоятельства.

Бывшие красные партизаны были достаточно опасными для существующей власти союзниками. Во-первых, по большому счету, им не за что было быть благодарными Советской власти, это они оказали ей неоценимую услугу, когда в значительной степени своими действиями обеспечили ее восстановление в Сибири. И они об этом не забывали. Во-вторых, это была наиболее социально активная часть населения, не возлагавшая ни на какие власти особых надежд и предпочитавшая рассчитывать на собственные силы и возможности. В-третьих, эти самые возможности были ярко продемонстрированы в годы гражданской войны и выразились не только в самостоятельном создании боеспособных партизанских отрядов и соединений, но и в формировании собственной системы управления, охватывавшей целые районы (Тасеевская республика). В-четвертых, они обладали опытом эффективного военного противостояния не устраивавшим их режимам (в годы гражданской войны – колчаковскому). И, как показала ситуация начала 30-х, вполне были способны повторить этот опыт, являвшийся, по сути, единственным известным им способ отстаивания своих интересов.

Кроме того, определенную настороженность в отношении бывших красных партизан внушала сохранившаяся среди них и в послевоенный период солидарность, которую не удалось преодолеть даже с помощью деятельности партизанских комиссий, пытавшихся привнести в их среду государством установленные критерии дифференциации. Ограниченность возможностей партийного воздействия и контроля, вследствие относительной немногочисленности членов и кандидатов ВКП(б), еще в большей степени затрудняло использование бывших красных партизан в интересах проводимой государством политики.

Представляется, что основная причина перехода к репрессивной политике в отношении бывших партизан состояла не в том, что они в целом или отдельные их представители представляли реальную опасность

для существовавшего режима. Они были слишком «неформатны» и непредсказуемы для этого режима, в принципе не признававшего возможностей существования не находящихся под его полным контролем консолидированных общностей.

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-600. Оп. 1.
2. Там же. Ф. Р-820. Оп. 1.
3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 123. Оп. 1.
4. Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х годов. Новосибирск, 1987.
5. Доржиев Д. Л. Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20-30-е годы: хроника языком документа. Улан-Удэ, 1993.
6. Дубина И. Д. Партизанское движение в Восточной Сибири (1918-1920 гг.). Иркутск, 1967.
7. Ильин А. С. Каинова печать: доцент, матрос и другие в котле сибирской индустриализации. Красноярск: Бергес, 2005.
8. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2.
9. Макаров А. А. Репрессии в Красноярском крае (1934-1938 гг.). Абакан: Хакасское книж. изд-во, 2008.
10. Морозова О. М. От сумы, от тюрьмы и от сумасшедшего дома: деятельность «партизанских комиссий» (1919-1935 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/> (дата обращения: 15.04.2011).
11. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005.
12. Печерский В. А. Отношение крестьян Хакасии к аграрной политике государства в 30-е-40-е годы XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: вторые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. 6-7 октября 1997 г. Барнаул, 2000.
13. Посадский А. В. Феномен красных партизан. 1920-1930-е годы // Вопросы истории. 2010. № 1.
14. Стишов М. И. Большевицкое подполье и партизанское движение в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.). М., 1962.

FORMER RED PARTISANS AS REGIONAL ELITE RESOURCE (BY THE EXAMPLE OF EASTERN SIBERIA OF THE FIRST HALF OF THE 1930S)

Larisa Nikolaevna Metelkina, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Political Science and Native History
Irkutsk State University
mln@home.isu.ru

The article is devoted to the analysis of the reasons of the limited use of former red partisans as the resource of regional elites formation and of the peculiarities of their social status by the example of Eastern Siberia in the first half of the 1930s.

Key words and phrases: Eastern Siberia; regional elites; former red partisans and Red Guards; partisan commissions; promotion.

УДК 94(3)(340.152)

*В статье рассматриваются два правовых термина, часто встречающихся в документах юга Месопотамии с конца III тыс. до н.э. – *mīšārum* и *andurārum*. Первый из них использовался как в официальных публично-правовых, так и в частноправовых текстах, второй, прежде всего, предназначался для правоприменительной практики. На основе подробного изучения источниковой базы можно сделать следующие выводы: каждый из терминов первоначально относился к одной из двух различных правовых традиций; к середине XVIII в. до н.э. юридическое понятие *andurārum* входит в *mīšārum*, но при этом категория *mīšārum* остается чисто публичноправовой, а в частных документах применяется либо термин *andurārum*, либо упоминается соответствующий указ царя (*šimdat šarrim*).*

Ключевые слова и фразы: указы о «справедливости»; правовая категория «освобождения»; указы царя; сакральная составляющая восстановления «справедливости»; Древневосточное право.

Анна Дмитриевна Никитина, к.и.н.

Кафедра гуманитарных дисциплин

Московский институт экономических преобразований

a.selen75@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ *MĪŠĀRUM* И *ANDURĀRUM*: СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ПРАВА НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ КОНЦА III – СЕРЕДИНЫ II ТЫС. ДО Н.Э.®

Любой современный юрист и историк права, обращаясь к изучению древневосточного юридического наследия, неизбежно столкнется с термином *mīšārum* («справедливость»), который встречается практически во всех источниках публичного права. Похожий по значению термин *andurārum* («освобождение») встречается